

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ИНТЕРВЬЮ

Евгений Габрилович:

ИСКАТЬ НОВОЕ В МЫСЛЯХ И ПОСТУПКАХ

В Таллине состоялась конференция «Тема современности в творчестве молодых кинематографистов Прибалтики и Ленинграда». Наиболее интересной, по общему мнению, оказалась программа ленинградских фильмов. Мы попросили поделиться мнением о ней и о проблемах сегодняшней молодой кинематографии драматурга Героя Социалистического Труда Евгения ГАБРИЛОВИЧА.

— Сегодня много говорят о кинематографической, и в частности ленинградской молодежи, говорят даже о некоем ленинградском «буме», имея в виду работы таких, как А. Герман, А. Сокуров, С. Овчаров, А. Бибарцев, В. Аристов. Это действительно очень интересные художники.

Меня, быть может, обвинят в старческой ворчливости, мол, много видел, много пожил, и теперь ему все кажется хуже, чем было. Нет, не так. Я не буду произносить прописных истин, кем были для кинематографа молодые Пудовкин или Эйзенштейн. Все это школьные примеры. Но вот совсем недавние времена — Г. Панфилов и И. Авербах. Разве не стали их фильмы тоже тем новым словом в искусстве, которого все мы так жаждем? А можем ли мы сегодня при всей симпатии к молодым ленинградцам всерьез сказать, применительно к ним, об этом новом слове, о новом герое? Может быть, я не увидел его, может быть, я не прав, потому что пристрастен. Но без пристрастий нет искусства. В душе художника должен бушевать мир — и он обязательно проявится и в маленькой картине, и в эскизе, и в наброске. На мой взгляд, мы что-то слишком долго учим молодежь, «выдерживаем» ее (а ведь можно и передержать): курсовая работа, дипломная, дебют и лишь потом (да еще, может быть?) постановка. Не слишком ли длинен путь?

Не все произведения, что мы увидели в Таллине, полнокровные, жизненные, где были бы проблемы и характеры, не ощутил я в них и той степени правды, которая есть, например, в работах Алексея Германа.

Произошли серьезнейшие изменения в общественном уровне художественных оценок. И как бы кинематографическая молодежь ни была увлечена поисками «самовыражения», ей нужно прежде всего искать в своем творчестве ответ на тот рывок, который делает сегодня наше общество.

Я думаю вообще, что постепенно художник экранных, назовем их так, искусств — кино, телевидения, видео — становится заметной фигурой в культурном становлении современного человека. Это значит, что и экранная драматургия будет приобретать все большее значение. Ведь зритель (а забывать о нем мы не можем) идет в кино, чтобы увидеть, узнать историю, случившуюся с теми или иными людьми по тем или иным причинам. Следовательно, надо рассказывать о том, что думает, чувствует сегодняшний человек. И рассказывать современным языком, чтобы ему, зрителю, было все интересно и близко. Обстоятельства жизни быстро меняются. И художнику надо меняться вместе с ними. Вот почему молодым кинематографистам надо перестать чувствовать себя учениками. Надо, чтобы у них в душе было свое, сегодняшнее понимание тех проблем, что волнуют миллионы людей.

Я был знаком со множеством людей, которые сегодня знамениты, вошли в историю, я видел, как много неудач прошло через их биографии, да и сам не раз терпел в жизни поражения. И вынес из всего этого только одно: побеждает тот, кто делает свое, то, что у него в душе.

Что меня тронуло в программе ленинградских кинематографистов — это доброта, человечность. Она есть в документальной картине Жанны Романовой «Любите ли вы Баха?» — о ребятах из ПТУ, в фильме Александра Рогожкина «Ради нескольких строчек» — о так хорошо знакомом мне быте военных журналистов. Как прекрасна и значительна деталь, когда промывают от дорожной грязи рассыпавшийся шрифт, и гусь, приبلудившийся к походной редакции, проглотил литеру «А»! И короткая лента А. Бибарцева «Объездчик», в которой много жесткого сказано о человеке, но воспринимается она мною тем не менее как притча об утраченной доброте. Доброта, человеколюбие всегда были в центре нашего искусства.

На молодых нередко сказывается насаждаемое годами мнение, что можно работать без сценария. Результат — в большинстве фильмов нет ни истории, ни характеров. Даже когда есть хорошая основа (например, сценарий В. Мережко), начинаются доделки и переделки до неузнаваемости. Спрашивается: надо ли тогда брать сценарий? Но если уж берешь, то уважай работу товарища.

Хочется сказать в связи с этим несколько слов о герое. На семинаре в Таллине о нем очень много спорили. Какой он должен быть: обаятельный, обстоятельный... Всякий человек — это множественность проявлений, характеристик. Без этого не получится живой герой. Я все чаще думаю о том, что прежде, нами когда-то в муках найденное, сегодня уже исчерпано. Надо искать новое — в мыслях, в поступках, проявлениях героя. Молодой герой, однако, — это не сленг, не некая раскованность в поведении, не манера одеваться. Но тогда что? Вот если зритель найдет в фильме это «что», фильм ответит на главный вопрос. Хотя, повторяю, трудно, очень трудно говорить о сегодняшнем герое.

Вспоминаю такой случай. В Свердловске (там тогда жил Г. Панфилов) мы работали с ним над сценарием. Глеб Анатольевич пригласил меня съездить навестить его бабушку. Подъехали к обыкновенному деревенскому дому. Навстречу вышла женщина, уютная, домашняя, похожая на крестьянку. Пытаясь как-то «навести мосты», я стал расспрашивать — ну, как, мол, бабушка, живем, как здоровычко, хорошо ли сегодня почивали? И вдруг она меня ошарашивает: «А почему вы так со мной разговариваете? Так по-ребячески? Знаете, кем я была? Я была агентом «Искры»...»

Вот и все дела. Вот какие они бывают, наши герои, в жизни. А мы часто подходим к ним с уже готовым рецептом, мнением, какими они должны быть. А они совсем другие.

К этой непредугадываемости и хотелось бы подготовить нынешних молодых.